

В Особенной части УК в большинстве случаев прямое указание на субъект преступления отсутствует: диспозиции формулируются обезличенно при помощи отглагольных существительных, таких как «нарушение», «изготовление», «дача» и т. д. Подобный подход законодателя обусловлен наличием в Общей части УК положений, характеризующих признаки общего субъекта. Среди них возраст, с которого наступает уголовная ответственность; понятия невменяемости, уменьшенной вменяемости и т. д. Возможность обращения к положениям Общей части уголовного закона позволяет не указывать в каждой статье Особенной части УК признаки общего субъекта преступления. Специальный субъект преступления, наоборот, должен быть четко определен в диспозиции статьи Особенной части УК.

В статьях Особенной части законодатель при необходимости указания на субъект преступления употребляет существительное «лицо», однако в некоторых случаях в статьях и примечаниях встречаются иные обозначения. Так, в диспозиции ст. 432 УК используются понятия «взятодатель» и «взякополучатель». Указанные лица не являются собственно субъектами преступления, предусмотренного ст. 432 УК, однако указанная формулировка позволяет полагать, что таким образом обозначаются субъекты преступлений, предусмотренных ст. 431 и 430 УК соответственно. Указанные субъекты преступлений против интересов службы впервые появились в УК 1960 г. и прочно укоренились в законодательстве и отечественной уголовно-правовой литературе. Полагаем, что подобные понятия сохранились в уголовном законе, скорее, в силу традиции и не могут способствовать повышению качества уголовного закона. С целью совершенствования нормотворческой техники уголовного закона понятие «взятодатель» может быть заменено на «лицо, совершившее деяния, предусмотренные ст. 431 УК», а «взякополучатель» – на «лицо, совершившее деяния, предусмотренные ст. 430 УК».

Субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 432 УК, в диспозиции статьи не определен. В примечании к данной статье используется сочетание «виновный в посредничестве во взяточничестве». Полагаем, что при закреплении признаков субъекта использовать понятия «виновный» и «виновное лицо» не следует, так как виновность лица устанавливается не на стадии квалификации, а непосредственно судом в рамках судебного следствия, о чем указывается в приговоре.

Преступления против интересов службы могут совершаться должностными лицами в процессе осуществления соответствующих полномочий в органах или организациях независимо от форм собственности. Вопрос о дифференциации уголовной ответственности должностных лиц ранее обсуждался учеными в области уголовного права, однако законодательного закрепления не получил. Вместе с тем отметим, что степень общественной опасности преступления против интересов службы, совершенного должностным лицом, находящимся на государственной службе, и должностным лицом организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, на наш взгляд, существенно отличается. В связи с этим считаем целесообразным рассмотреть вопрос о дифференциации ответственности субъектов преступления, предусмотренного ст. 429 УК, а также пересмотреть подходы к конструированию составов иных преступлений против интересов службы, субъектами которых являются должностные лица.

Определенную сложность представляет законодательное закрепление признаков некоторых специальных субъектов преступлений против интересов службы, не являющихся должностными лицами. Так, при обозначении субъектов преступлений, предусмотренных ст. 427 и 433 УК, законодателем используется казуистический прием, выраженный при помощи сочетаний «либо иное», «или иное». Субъектом преступления, предусмотренного ст. 433 УК, может быть либо работник государственного органа либо работник иной государственной организации, не являющийся должностным лицом. Учитывая тот факт, что государственный орган является государственной организацией, целесообразно использовать более общее понятие «государственная организация». Наличие в диспозиции двух понятий, одно из которых по своему содержанию поглощает другое, лишено функционально-смысловой нагрузки.

Признаки субъекта преступления, предусмотренного ст. 427 УК, на наш взгляд, указаны в диспозиции статьи не в полном объеме. Формулировка «должностное или иное уполномоченное лицо» является не совсем удачной, поскольку должностное лицо также является уполномоченным. Иное уполномоченное лицо, являющееся субъектом преступления, предусмотренного ст. 427 УК, не является должностным. Уполномоченные лица в рамках занимаемой ими должности не выполняют обязанностей организационно-распорядительного и административно-хозяйственного характера, однако в силу возложенных обязанностей осуществляют подготовку необходимых официальных документов для представления на подпись определенному должностному лицу (специалисты, консультанты и т. д.). С учетом этого субъекта в диспозиции ст. 427 УК целесообразно обозначить как «должностное лицо или уполномоченное лицо, не являющееся должностным».

Таким образом, полагаем, что при обозначении общего субъекта преступлений против интересов службы целесообразно использовать понятие «лицо» и не прибегать к иным формулировкам, затрудняющим процесс правоприменения. При закреплении признаков специального субъекта преступлений против интересов службы следует избегать случаев перечисления нескольких понятий, одно из которых по своему содержанию поглощает другое.

УДК 343.01

К.Н. Карпов

ВОЗМЕЩЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, КАК ИНСТРУМЕНТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Возмещение вреда, причиненного противоправным поведением лица, во все времена являлось одним из обязательных элементов восстановления социальной справедливости, а также конституционной гарантией государства на защищенность граждан. Самоустранение государства от решения вопроса о возмещении потерпевшему материального вреда выступает

негативным фактором уголовно-правовой политики и подрывает веру в возможности государственного регулирования общественных отношений.

Общее требование необходимости возмещения потерпевшим причиненного вреда вытекает из норм материального гражданского права (ст. 1064 ГК РФ), однако представляется, что обязанность возместить вред, причиненный в результате совершенного преступления, должна иметь приоритетное значение и реализовываться в соответствующем механизме.

Сегодня уголовное законодательство не содержит общего единого требования относительно необходимости возмещения вреда, причиненного в результате совершения преступления, как обязательного правового последствия совершенного лицом общественно опасного деяния.

В УК РФ имеются указания на то, что отдельные правовые последствия совершенного лицом преступления (вид, размер наказания и иных мер уголовно-правового характера) находятся в зависимости как от размера причиненного вреда, так и от факта его полного либо частичного возмещения. В отдельных нормах уголовного закона указывается на необходимость возмещения вреда как условие смягчения наказания (п. «к» ч. 1 ст. 72 УК РФ), либо полного освобождения от наказания (ч. 2¹ ст. 73, ч. 2 ст. 74, ч. 1 ст. 79, ч. 1 ст. 80 УК РФ), либо освобождения от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76¹ УК РФ).

Включение требования о необходимости возмещения вреда как одного из условий условно-досрочного освобождения либо освобождения от ответственности в связи с деятельным раскаянием, несомненно, является значимым инструментом восстановления социальной справедливости и существенным образом снижает издержки от криминальных действий человека, однако такого фрагментарного использования явно недостаточно.

Так, согласно официальным данным, только за 2018 г. сумма ущерба от преступлений, определенная по судебному акту (т. е. официально признанная судом), составила более 32 млрд рублей, при этом в добровольном порядке (т. е. до вынесения судебного акта) было возмещено лишь немногим более 7 млрд рублей, оставшиеся суммы взыскивались (если это возможно) в принудительном порядке.

Оценивая данные цифры, необходимо учитывать и те факты, что реально причиненный ущерб часто выше того, который потерпевший может подтвердить доказательствами, а также нежелание потерпевших вступать в судебную тяжбу относительно причиненного вреда в связи со сложностью процедуры и наличием различного рода издержек. Учитывая объективные сложности, а нередко и бесперспективность принудительного взыскания денег либо имущества с лица, совершившего преступление, представляется, что именно стимулирование лица к добровольному возмещению вреда является перспективным направлением правового регулирования.

В настоящее время требование возмещения материального вреда, причиненного преступлением, не является абсолютным и универсальным требованием, невыполнение которого препятствовало бы применению оснований освобождения от ответственности либо освобождения от наказания, отсрочке наказания и т. д.

Учитывая официальные показатели размера причиненного в результате совершения преступлений вреда, возникает закономерный вопрос: почему не предпринимаются меры по совершенствованию данного направления уголовно-правовой политики?

Исходя из предписаний ст. 52 Конституции РФ, декларирующей обеспечение потерпевшим доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба, представляется, что далеко не все потерпевшие обладают возможностью в достаточной степени реализовать данное право.

Так, в случае совершения преступления небольшой либо средней тяжести и возможности примирения с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) потерпевший может рассчитывать на безоговорочное возмещение причиненного ему вреда, однако если за совершенное преступление невозможно применение каких-либо оснований освобождения от ответственности (ст. 75, 76, 76¹ УК РФ), то возмещать вред преступник в принципе не заинтересован.

Содержащиеся в других нормах указания на необходимость возмещения вреда носят, скорее, рекомендательный характер. Предписания ч. 4¹ ст. 79 УК РФ о том, что суд при принятии решения об условно-досрочном освобождении помимо прочего учитывает и то обстоятельство, возмещен ли осужденным ущерб, не являются препятствием для условно-досрочного освобождения.

В целях совершенствования механизма восстановления социальной справедливости и защиты общественных отношений от преступных проявлений считаем необходимым установление требования о возмещении вреда, причиненного в результате совершенного преступления, в качестве обязательного условия любого из оснований освобождения от ответственности, либо оснований освобождения от наказания, либо смягчения наказания и иных мер уголовно-правового характера.

Объективная невозможность своевременного (до окончания судебного разбирательства) возмещения вреда может быть заменена принятием на себя обязательств по возмещению вреда и дачей согласия относительно размера компенсации.

Учитывая, что потерпевший находится в ущемленном положении и часто вынужден нести дополнительные расходы, связанные с лечением, восстановлением либо приобретением нового имущества и т. д., данное бремя должно быть возложено на лицо, причинившее вред.

При этом государство, преследующее цели создания максимально комфортных условий сосуществования граждан, может выступить в роли гаранта компенсации таких издержек. Например, при отсутствии у лица средств, необходимых для возмещения вреда, государство может участвовать в осуществлении целевого кредитования такого лица, обеспечивая тем самым и возмещение вреда, и стимулирование к трудоустройству либо иным способам заработка, а также заинтересованность в разрешении материальных претензий потерпевшего.

В качестве примера похожих форм разрешения проблемы можно отметить законодательство Франции, где действует Закон «О возмещении потерпевшему ущерба за телесный вред, причиненный преступлением», и Закон «О компенсациях жертвам насилия» в ФРГ. В России также высказывались аналогичные предложения как в рамках научных исследований, так и на политическом уровне. Например, уполномоченный по правам человека В.П. Лукин высказывал предложение «создать специальный государственный фонд для выплаты задолженностей по алиментам с последующим взысканием выплаченных сумм с самих должников».